

ПЕРВОЕ "УЧЁНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ" ПО СИБИРИ

К 300-ЛЕТИЮ ЭКСПЕДИЦИИ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА

© 2019 г. В.С. Соболев

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vlad_history@mail.ru

Поступила в редакцию 05.02.2018 г.

Поступила после доработки 10.06.2018 г.

Принята к публикации 18.06.2018 г.

15 ноября 1718 г. царём Петром I был подписан указ о назначении Д.Г. Мессершмидта руководителем первой научной экспедиции в Сибирь. Она длилась 8 лет, и результаты её оказались беспрецедентны по широте выполненных задач, по объёму и ценности добытой информации. Это научное путешествие положило начало многочисленным последующим замечательным экспедициям, организованным Российской академией наук. Настоящая статья подготовлена на основе материалов подлинного журнала экспедиции, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Ключевые слова: изучение России, деятельность Д.Г. Мессершмидта, экспедиция в Сибирь, комплексное исследование территорий, сбор научных материалов, архивные источники.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-587389183-88>

Даниэль (Даниил) Готлиб Мессершмидт (1685–1735) – известный учёный-натуралист. По окончании медицинского факультета Университета Галле, защиты в 1716 г. диссертации и получения учёной степени доктора медицины он занимался врачебной практикой в Данциге. В апреле 1718 г. по приглашению царя Петра I Мессершмидт прибыл в Санкт-Петербург для исследования естественных богатств России. Учёный поступил в ведение Медицинской канцелярии, руководимой тогда Л. Блюментростом, и с ним был подписан контракт, согласно которому он обязывался организовать и провести экспедицию по комплексному изучению Сибири – её географии, натуральной истории, быта народов, флоры и фауны, памятников культуры и др.

В ходе экспедиции, продолжавшейся 8 лет, Мессершмидт проявил лучшие качества учёного-натуралиста: огромную работоспособность, энциклопедические знания, верность долгу. Многие работы он выполнял сам: проводил научные наблюдения, собирал памятники истории и культуры, делал зарисовки, чучела животных. Путешествие стало по-

истине уникальным по широте выполненных задач, объёму и ценности добытых экспедиционных материалов. Академик В.И. Вернадский отмечал, что "с путешествий Д.Г. Мессершмидта начинается естественно-научное изучение России" [1, с. 158].

После возвращения учёного в 1727 г. в Петербург все наиболее ценные экспедиционные материалы были переданы в Кунсткамеру (увы, многие из них погибли при пожаре музея в 1747 г.). При жизни Мессершмидта его научные заслуги, к сожалению, не были по достоинству оценены государственной властью, и он закончил свои дни в нужде, всеми забытый.

В фонде Мессершмидта, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), особое место занимает журнал, который вёл учёный с ноября 1718 г. по сентябрь 1728 г. [2]. На наш взгляд, это самый значительный и интересный источник на русском языке в научном наследии Мессершмидта, принадлежащем академическому архиву (большинство материалов, составляющих фонд, написаны на немецком языке).

Журнал представляет собой фолиант в кожаном переплёте, объёмом в 202 листа форматом 33 × 21 см, причём текст располагается как на лицевых, так и на оборотных сторонах. Основную часть

СОБОЛЕВ Владимир Семёнович – доктор исторических наук, заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН.

документа занимают записи на русском языке, сделанные чётким "писарским" почерком – совершенно очевидно, что вёл их не сам Мессершмидт, а кто-то из его ближайших сотрудников, но по его указаниям и под строгим контролем, о чём свидетельствуют заверительные личные подписи учёного (рис. 1). Каждая журнальная запись имеет

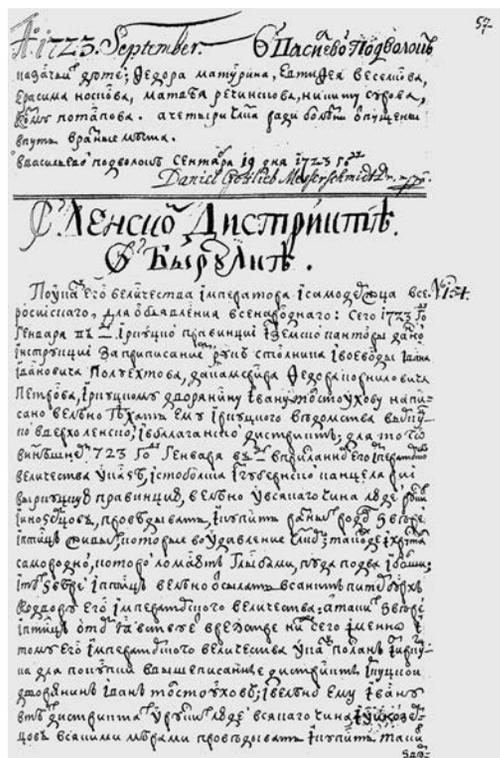

Рис. 1. Страница из журнала Д.Г. Мессершмидта

точную дату, содержит название места, где произведена, – Санкт-Петербург, Тобольск, Нерчинск, Иркутск и т. д. Кроме того, большая часть записей (стр. 1–160) имеет порядковый номер, всего их 486 (первая была сделана в ноябре 1718 г., последняя – в декабре 1727 г.). На последних 42 страницах нумерация записей отсутствует, но дата и место, где они сделаны, указаны. Следует отметить, что с декабря 1727 г. (соответственно, со стр. 163) часть записей велась на немецком языке самим Мессершмидтом. Таким образом, на протяжении 8 лет в журнал заносились, причём с немецкой аккуратностью и точностью, все наиболее важные события и сведения, связанные с путешествием (рис. 2).

Согласно указу царя Петра I от 15 ноября 1718 г., перед экспедицией Мессершмидта ставились конкретные задачи "изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей – трав, корений и семян" [2, л. 2.]. На первых порах Мессершмидт обращался к царским чиновникам регионов, куда направлялась экспедиция, с письмами, содержащими просьбу оказывать ему содействие в решении задач именно такого рода. В каждом из писем обязательно присутствовала ссылка на упомянутый царский указ, причём последний воспроизводился дословно. Однако по мере продвижения экспедиции вглубь России при подготовке подобных обращений в местные органы власти лаконичный текст царского указа стал видоизменяться: число поставленных Петром I задач искусственно увеличивалось, они усложнялись, о чём, в частности, свидетельствует письмо в Томскую приказную палату от 18 апреля 1721 г. В нём идёт речь о сборе и изучении следующих предметов: "травы и цветы; птицы лесные,

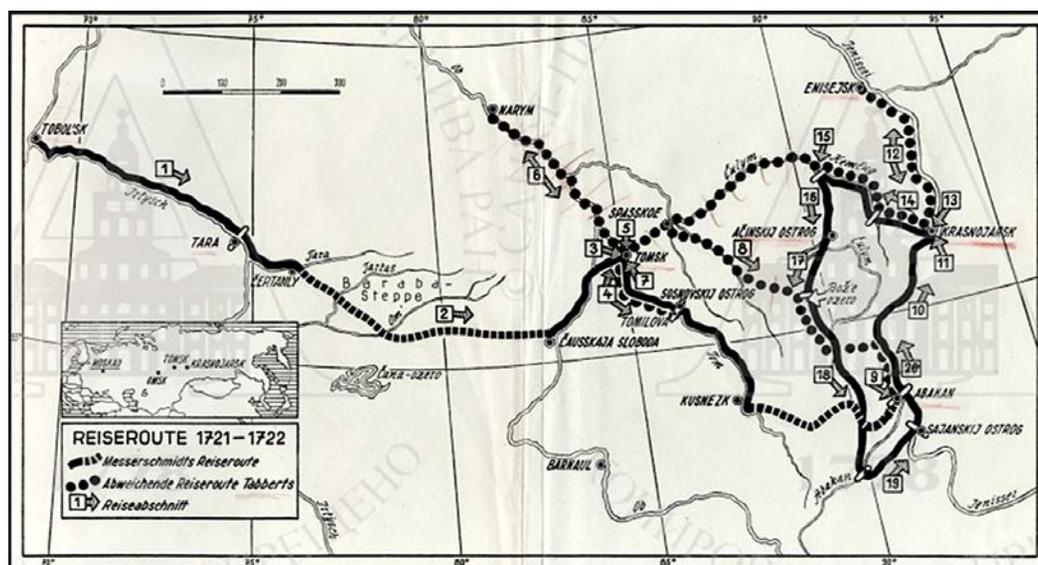

Рис. 2. Маршрут путешествия Д.Г. Мессершмидта 1721–1722 гг.

Сплошная линия и пунктир – маршрут; точки – отклонения от маршрута; квадраты – очерёдность и время прохождения отрезков маршрута

Рис. 3. Большая выпь

Рисунок К. Шульмана. 1720 г.

полевые и водные; всякие звери; всякая рыба; всякий цвет земли; всякие древние вещи; могильные вещи...". Всё это предлагалось собирать и передавать в распоряжение экспедиции [2, л. 27, 27 об.]. Можно предположить, что экспедиция столкнулась в Сибири с такими невиданными по меркам Западной Европы природными богатствами и с таким большим объёмом ценнейшего исторического и этнографического материала, что пришлось срочно, по ходу самого путешествия, перестраиваться и постоянно уточнять цели и задачи (рис. 3, 4).

Участникам научного предприятия пришлось столкнуться и с серьёзными трудностями. Так, в конце 1720 г. Мессершмидт вынужден был обратиться за помощью в Правительствующий сенат (сделал он это, заручившись поддержкой одного из приближённых к императору — Л. Блюментроста). Учёный, в частности, сетовал, что экспедиция часто не находит поддержки у представителей органов местной власти: "куда в ведомство ни поедешь, в требованиях его командующие чинят остановку, а вспоможения никакого себе не имеет" [2, л. 32.]. Приводились и примеры: так, руководитель экспедиции попросил вице-губернатора Сибири переправить в Санкт-Петербург "сундучок, обитый кожей, за его печатью, в котором курьёзные вещи", но просьба эта в течение нескольких месяцев не выполнялась. Реакцией на эти факты стало письмо Сената от 9 февраля 1721 г., направленное губернатору Сибири А. М. Черкасскому. Правительствующий сенат потребовал, чтобы местные власти впредь Мессершмидту "вспоможение чинили без остановки", чтобы "время он понапрасну не тратил" [2, л. 32]. Кроме того, губернатору было

предложено дать соответствующее указание своим подчинённым, отправляющим государеву службу в разных регионах Сибири.

Как и следовало ожидать, после взбодряющего окрика из столицы механизм местной власти, хотя и со скрипом, но заработал: по инстанциям пошли

Рис. 4. Венерин башмачок крупноцветковый

Акварель К. Шульмана. 1720 г.

Рис. 5. Памятники археологии (из фондов Института антропологии и этнографии РАН)

соответствующие команды. Так, 26 мая 1721 г. комендант Томской приказной палаты В. Е. Козлов приказал служилому человеку, казачьему сыну А. Колмогорову, с целью оказания помощи экспедиции выехать в район Чауского Острога "для приискивания и покупки древних могильных вещей и всяких цветных камней" [2, л. 28.]. Речь шла о проведении археологических раскопок (рис. 5). Кроме того, предполагалась и покупка подобных "вещей" у местных жителей, которые, по всей вероятности, "раскопками", а точнее, грабежом древних захоронений, занимались и самостоятельно. Любопытно, что комендант приказал Колмогорову взять с собой в поездку в качестве активных помощников "шведских пленников Ягана Цемера и Питера" (скорее всего, как наиболее грамотных представителей местного населения). Причём уже для осуществления "караула" за самими "специалистами" приказано было взять ещё и "казаков двух человек у московского списка дворянина Алексея Кругликова" [2, л. 28 об.]. Шведы оказались, надо полагать, людьми не только грамотными, но и очень энергичными, так как велено было "за оными шведскими пленниками смотреть накрепко, чтобы они русским людям и иноземцам обид и разорения никому не чинили" ("иноземцами" тогда часто называли представителей местного, коренного населения).

Вот другой пример содействия местных жителей работам экспедиции. 21 января 1723 г. воевода И. И. Полуектов от имени Земской конторы Иркутской провинции подписал грамоту, в которой давались конкретные указания местным служилым людям оказывать помощь научному предприятию. Отметим важный, на наш взгляд, момент — грамота

предназначалась "для объявления всенародного". В частности, иркутскому дворянину И. Толстоухову приказано было на территории Иркутской провинции "у всякого чина людей русских и иноземцев проводить и покупать разных зверей и птиц живых, которые во удивлению человеку" [2, л. 57]. Кроме того, было дано указание добывать "хрусталя самородного, который ломать глыбами, пуда по два" и "слюду в полтора аршина и больше". К тексту грамоты прилагался очень интересный реестр: в нём присутствовали сведения о тех представителях животного мира, которых следовало добывать [2, л. 57 об.]. В перечне упоминались, в частности, "соболи черво и хребет белые" и "бараны дикие, с великими рогами". Невозможно удержаться от того, чтобы не привести здесь и некоторые наименования представителей птичьего царства: "лебеди с гребнями", "журавли чёрные", "зелёные птицы маленькие" (чтение реестра сегодня невольно вызывает вопрос — сохранились ли до нашего времени все эти замечательные звери и птицы на бескрайних просторах Сибири?).

При необходимости Мессершмидт и сам обращался с письмами к представителям местной администрации по различным вопросам организации экспедиционных исследований. Так, 18 июня 1723 г. учёный направил правителю Мангазейской канцелярии Никифору Сотникову письмо, в котором просил оказать содействие научным поискам. Мессершмидт отмечает, что прибыл "для изыскания нашатыря и янтаря и прочих иных вещей и руды", что намерен "плыть по Енисею реке смотреть самоедскую землю" [2, л. 54]. При этом, как всегда, давалась обязательная ссылка на соответствующие указания вышестоящих органов государственной власти о том, чтобы ему "остановки и замедления не было".

Из экспедиции Мессершмидт регулярно направлял сообщения и в столичные города — Санкт-Петербург и Москву, задействуя при этом возможности почтовых отправок местных органов власти. Так, 5 августа 1722 г. он направил воеводе Д. К. Шетнёву в Красноярскую приказную палату для отправки по назначению три своих "запечатанных письма": в Санкт-Петербург "президенту Л. Блюментросту", в Москву в Аптекарскую канцелярию и в Тобольск губернатору Сибири [2, л. 36 об.].

Много времени и сил отнимало у учёного решение вопросов финансово-хозяйственного обеспечения экспедиции — предоставления ей транспортных средств, продовольствия, подсобных рабочих и, конечно, денег. Например, в марте 1719 г. Мессершмидт просил сибирского губернатора Черкасского выделить дополнительно шесть подвод (вдобавок к шести уже имевшимся) [2, л. 4]. В журнал вносились и списки "подводчиков", то есть людей с подводами — они бесплатно предоставлялись местными властями для перевозки имущества экспедиции. Так, в реестр "подводчиков", которые в июле 1721 г. перевозили

экспедицию от Мунгацкого острога до Кузнецка, внесены 17 фамилий [2, л. 31]. А в июле 1723 г. экспедиции были предоставлены речные суда для путешествия от Енисейска до Мангазеи, о чём свидетельствует реестр "гребцов", в который внесены фамилии 15 сибиряков [2, л. 53 об.].

Любопытно, что часто местные власти предоставляли необходимые для экспедиции транспортные средства и "оборудование" во временное пользование, для выполнения каких-либо локальных задач, то есть как бы напрокат. Позднее эти предметы возвращались владельцам. Так, 16 сентября 1723 г. мангазейские служилые люди дали Мессершмидту расписку в том, что они получили от него возвращённое "экспедиционное оборудование": "дощеник, дроги, лодку, повозок, якорь и др." [2, л. 56 об.]. Согласно царскому указу, местные власти также бесплатно предоставляли экспедиции и продовольствие; в журнале имеются копии расписок Мессершмидта в его получении по маршруту путешествия. Например, 4 октября 1721 г. было получено у приказчика Абаканского острога 28 ковриг хлеба и 11 пудов ржаной муки [2, л. 32 об.].

Труднее всего решались вопросы выделения денежного довольствия для участников экспедиции. В январе 1720 г. Мессершмидт в очередной раз обратился к представителям власти (дело происходило в Тобольске) с просьбой выдать жалованье участникам экспедиции. Он указывал, в частности, что трое драгун, осуществлявших охрану научного предприятия, "жалования и провианта не получали целый год" [2, л. 5 об.], то есть с января 1719 г. В январе 1724 г. учёный обращается с аналогичной просьбой, но уже в Иркутскую воеводскую контору — на сей раз доблестные воины "ничего не получали с 1 мая 1723 года" [2, л. 58 об.]. Невольно приходится с грустью констатировать, что невыплата (или недоплата) зарплаты служилым сословиям в России — явление типичное.

Заметим, что жалованье "служилых" само по себе было невелико и составляло всего 11 алтын в месяц (33 копейки). В год же выходило около 4 руб. [2, л. 58 об.]. В то же время труд "западных специалистов" Российское государство оценивало очень высоко. Так, сам Мессершмидт получал в год 500 руб., кроме того, весь провиант и другие бытовые услуги ему предоставлялись бесплатно [2, л. 5 об.]. Следует отметить, что жалованье Мессершмидту чаще всего выдавалось в установленный срок в любой отдалённой точке империи. Скажем, царским указом от 27 декабря 1722 г. красноярскому воеводе Д.К. Шетнёву было дано указание о выдаче учёному жалованья в 500 руб. за 1722 г. Любопытно, что одновременно воеводе было приказано "из того жалованья вычесть на содержание Гошпиталя по копейке с рубля" [2, л. 46, 46 об.] (Здесь мы имеем дело с одним из видов существовавших в то время местных налогов — "на развитие здравоохранения".)

Рис. 6. Памятник Д.Г. Мессершмидту в Ханты-Мансийске

Одной из форм поиска научной информации были беседы с представителями местного населения — старожилами, дававшими сведения о природных богатствах своего края, его географических особенностях, о фауне, флоре и пр. Например, в июне 1723 г. казак Лука Нечаевский сообщил руководству экспедиции о том, что недалеко от города Мангазеи, у реки Хатанги, находится гора, "из которой родится нашатырь" [2, л. 55 об.]. Уроженец Енисейской провинции боярский сын Фёдор Раевский в том же июне 1723 г. представил Мессершмидту в письменном виде информацию о своей поездке с целью "приискания руды и морского ладану" и при этом отметил, что "ладан возле моря находится" [2, л. 54 об.]. В январе 1724 г. иркутский служилый человек Кузьма Тестов рассказывал учёному о том, что на "Котельниковом Мысу есть ключ горячий" [2, л. 61 об.].

Мессершмидт создал даже специальный фонд для поощрения местных активистов-краеведов. В этом качестве использовался широко употребляемый населением продукт. В январе 1720 г. руководителем экспедиции у властей Тобольска было затребовано и получено четыре ведра водки, при этом указывалось, что напиток предназначен для людей, которые к нему приходят и участвуют в изысканиях экспедиции [2, л. 7].

Учёному за годы путешествия приходилось выполнять и функции, не связанные с основными. В журнале имеются сведения о том, что по поручению местных властей он иногда выполнял врачебные задачи. Например, его привлекали к медицинскому освидетельствованию призывников. В феврале 1720 г.

он провёл освидетельствование 39 человек — "детей боярских", предназначенных к службе в Тобольском гарнизоне, но по состоянию здоровья от службы уклонявшихся [2, л. 7 об.; 8]. По результатам освидетельствования были даны конкретные медицинские заключения: 13 человек были "скорбные падучей болезнью", 6 — "скорбные руками".

Подводя итог, отметим, что долгое путешествие Д.Г. Мессершмидта стало первой научной экспедицией по комплексному исследованию огромных территорий России [3–10] (рис. 6). Успех этого предприятия трудно переоценить, вплоть до настоящего времени собранные тогда материалы служат предметом законной гордости ряда знаменитых музеев. Первое "учёное путешествие" положило начало будущим замечательным научным экспедициям, организуемым Санкт-Петербургской академией наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России / Сост. М.С. Багракова, В.С. Неаполитанская, Г.А. Фирсова. М.: Наука, 1988.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32.
3. *Андреев А.И.* Экспедиции на Восток до Беринга // Труды Историко-архивного института. Т. 2. М.: Историко-архивный институт, 1946. С. 183–205.
4. *Башкатова З.В.* Д.Г. Мессершмидт в отечественной историографии // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1977. Вып. 2. № 6. С. 133–140.
5. *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описания архивных материалов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. (Труды Архива АН СССР. Вып. 4).
6. *Копанева Н.П.* Научное путешествие Д.Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (510). С. 44–52.
7. *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири / Отв. ред. М.И. Белов. Л.: Наука, 1970.
8. Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д.Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. / Предисл. и публ. З.Д. Титовой // Исторический архив. 2003. № 2. С. 21–40.
9. *Титова З.Д.* Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д.Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1978. Вып. 8. С. 5–14.
10. *Тункина И.В.* Экспедиция Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI веков // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 238–250.

THE FIRST SCIENTIFIC JOURNEY IN SIBERIA

ON THE 300TH ANNIVERSARY OF D.G. MESSERSCHMIDT'S EXPEDITION

© 2019 V.S. Sobolev

St. Petersburg branch of the Vavilov Institute of History of Natural Science and Technology, RAS, St. Petersburg, Russia.

E-mail: vlad_history@mail.ru

Received: 05.02.2018

Revised version received: 10.06.2018

Accepted: 18.06.2018

On November 15, 1718, Tsar Peter I signed a decree appointing D.G. Messerschmidt as a leader of the first scientific expedition to Siberia. The expedition lasted for 8 years, and its findings remain historically unparalleled in terms of the extent of the tasks performed and the volume and value of the information collected. This scientific journey marked the beginning of several subsequent remarkable expeditions organized by the Russian Academy of Sciences. This study was prepared on the basis of materials of the original expedition journal kept in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: the study of Russia; the activity of D.G. Messerschmidt; expedition to Siberia; a comprehensive study of the territories; the collection of scientific materials; archival sources.